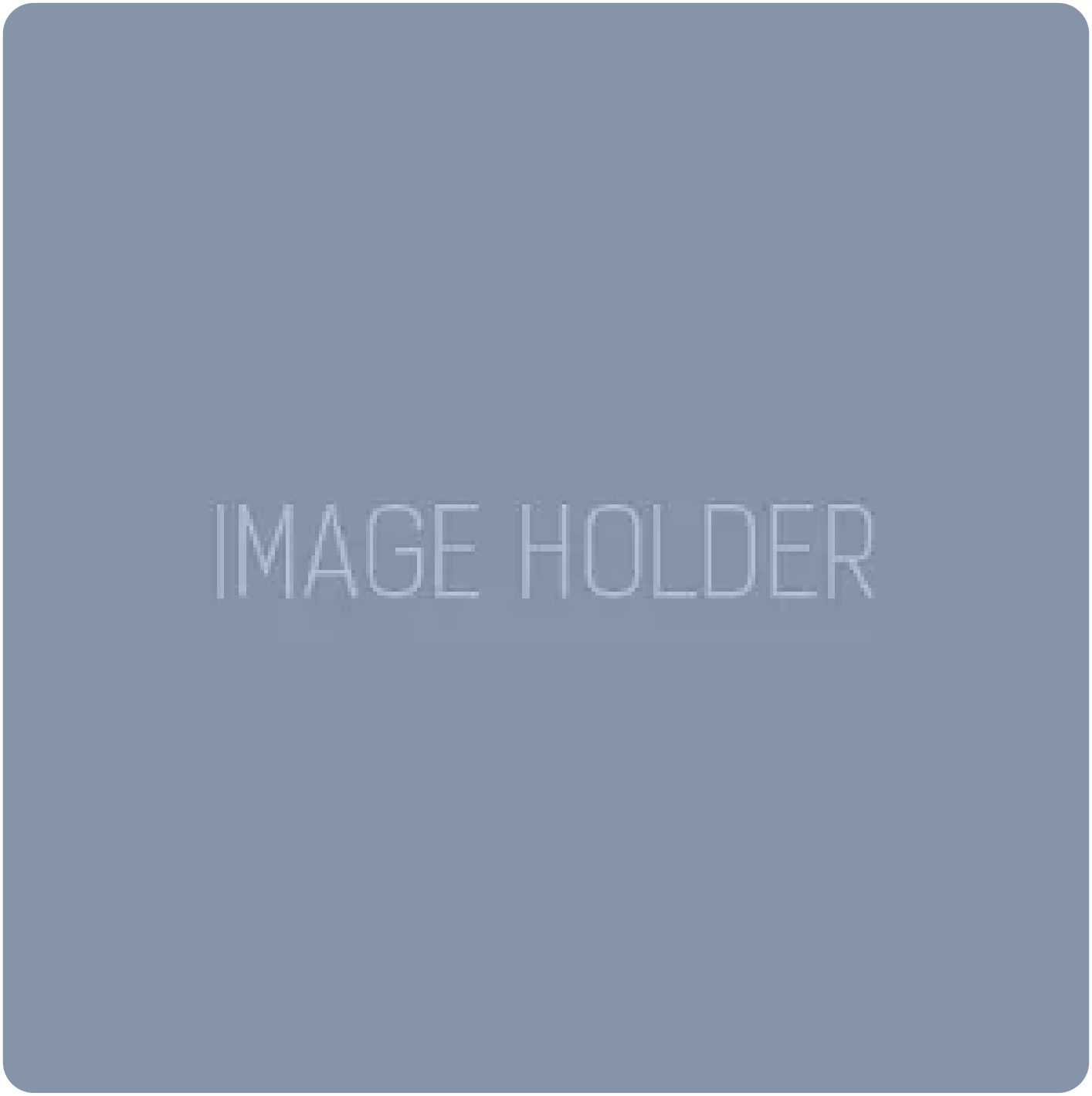

Под стук колес

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

Вагон пах чаем, въедливой смесью табака и чужим ночным храпом, которые не выветрились из старого плацкарта и были знакомы каждому, кто хоть раз ездил поездами дальнего следования. Адриан Климентич заскочил в вагон в самый последний момент, когда проводница уже поднимала металлическую ручку тяжелой двери. В кармане старого пальто случайно нашлось что-то твердое — помятый клочок бумаги, билет на поезд. Проводница даже не стала

вглядываться в дату на потертом месте, а просто устало махнула рукой: «Проходите, двенадцатое место, боковая». И поезд тяжело покатился прочь, мерно отстукивая колесами путь. В купейной части напротив друг друга сидели двое. Мужчина лет сорока в поношенном костюме протирал запотевшее стекло очков, а женщина постарше, с сединой в волосах и глубокими морщинами вокруг глаз, бездумно крутила в пальцах серебряное кольцо; в другой же руке она держала небольшой кусочек бумаги, вырванный из ее собственного блокнота, лежавшего рядом. Больше попутчиков не было. Адриан Климентич бросил сумку на верхнюю полку, сел на свое место и прижался лбом к холодному стеклу. Поезд уже вовсю стучал колесами. Этот глухой, убаюкивающий перестук действовал гипнотически, вытаскивая из памяти всё то, от чего Адриан Климентич так старался убежать последние три года: пошатнувшееся ментальное состояние, давление со стороны людей, надоедливо твердивших свое «единственно верное» мнение, от которого противно выворачивало наизнанку, потерю десятилетней карьеры в сфере IT и гибель старшего брата. Со всем этим он стал угасать с каждым днем, пока не решился выбраться из затянувшего его омута проблем. Он уехал подальше от привычных мест и застрял в одном бесконечном дне своей вины, без единого намека на зону прежнего комфорта. Дверь купе тихонько отворилась. Проводник — пожилой мужчина с добрыми, но невероятно уставшими глазами — вез перед собой тележку с подстаканниками. Остановившись у их столика, он молча достал из кармана жилета потертую бумажную шахматную доску с фигурами, медленно развернул ее и положил на стол. — Чай? Или сыграем? — тихо спросил проводник. Голос его звучал мягко, но легко перекрывал мерный стук колес. Мужчина в очках вздрогнул: — Какие еще игры? Некогда мне в дороге баловаться. Женщина со вздохом опустила руки на колени и пристально уставилась в пол, а Адриан Климентич задумчиво посмотрел на края бумажной доски, а потом медленно поднял глаза от шахмат на проводника. За окном непроницаемой стеной стояла глухая, лишенная звезд полночь, но в этом вагоне, казалось, время застыло в каком-то предрассветном анабиозе, который никогда не сменится солнцем. — Никакого чая, — хрипло произнес Адриан Климентич, чувствуя, как внутри нарастает холодное раздражение. Он посмотрел на мужчину в очках, который уже в третий раз за последние… сколько там прошло часов? — протирал одну и ту же линзу платком. — Послушайте, мы кружим. Мы едем по кругу уже чёрт знает сколько! Вы посмотрите в окно! Каждые сорок минут мы проезжаем один и тот же полустанок, ту же самую покосившуюся скамейку и женщину в синем пуховике, которая уронила перчатку! Всё одно и то же! Вагон за окном качнуло на стрелке, но никто на него не обратил никакого внимания. Мужчина в поношенном костюме даже не повернул головы — он методично продолжал тереть стекло очков. Женщина, которая всё высматривала что-то на полу, внезапно буркнула

себе под нос: — Не выдумывайте глупости, молодой человек. До конечной еще ехать и ехать, я по этому расписанию двадцать лет на завод езжу. Успею еще и выспаться, и работу свою закончить. — Какая конечная?! — Адриан Климентич резко подался вперед, чуть не опрокинув тележку с подстаканниками. Его голос сорвался на хриплый фальцет. — Вы понимаете, что мы заперты в петле? И теперь мы все здесь едем в никуда, потому что время сломалось! Почему вы не видите очевидного?! Женщина с серебряным кольцом медленно подняла глаза. В ее взгляде не было страха или удивления — лишь бесконечная, тупая усталость существа, которое заставили бежать марафон без финишной черты. Она разжала пальцы, показывая смятый клочок бумаги. На нем дрожащим почерком было выведено одно и то же число, повторенное сотни раз. Проводник стоял неподвижно, придерживая рукой тележку. На его лице застыла мягкая, почти жалостливая улыбка человека, который за свою долгую жизнь повидал слишком многое. Он протянул руку и аккуратно передвинул пешку на бумажной доске. Чай остыл. — К чему эти крики? Сыграем же партию? Время у нас есть, — мягко проговорил проводник, и в его глазах отразился тусклый желтый свет вагонной лампы. — О чем это вы? — испуганно спросил Адриан Климентич. Все странно замолчали. Адриан Климентич тяжело откинулся на спинку сиденья. Холодный металл поручня впивался в лопатки через тонкую обивку дивана. За окном вновь мелькнул знакомый до тошноты силуэт: одинокий фонарь, деревянный перрон, та же самая собака, привязанная у столба, и силуэт женщины, роняющей перчатку. Адриан Климентич закрыл глаза и, тяжело выдыхая, спросил: — Скажите же: он когда-нибудь останавливается? Да что тут происходит?! И снова безмолвная тишина. Женщина проигнорировала вопрос, снова уставившись в пол, а мужчина в очках замкнулся в себе и больше никого не слушал, грубо отказавшись от чая и партии. Проводник тоже ничего не ответил, лишь поставив на стол граненый стакан в металлическом подстаканнике, и поезд с прежней неотвратимой тяжестью покатился дальше, мелькая в сотый раз одними и теми же, уже до боли знакомыми местами. Вдруг за стеной плацкарта, где-то в темноте коридора, послышался глухой металлический скрип. Словно тяжелый состав на секунду выбился из привычного ритма и пошел вразнос. Колеса заскрежетали по рельсам так громко, что заложило уши, а вагон опять качнуло, но уже с такой силой, что шахматные фигуры на бумажной доске рассыпались по столу, а Адриан Климентич резко распахнул глаза. Судорожно вздохнув, он почувствовал, как сердечный стук отдался в висках. Он ошалело огляделся. Напротив него, склонившись над столом, по-прежнему сидел мужчина в поношенном костюме и протирал линзы очков. Рядом с ним женщина с сединой крутила в пальцах кольцо. Смятая бумажка торчала наполовину из открытого блокнота, но без тех повторяющихся надписей, что были на ней прежде. На столе стоял стакан в подстаканнике, от которого поднимался легкий пар, а перед ними лежала та

самая бумажная шахматная доска, которая вовсе и не была рассыпана от пошатнувшегося на стрелке поезда. Адриан Климентич тяжело сглотнул, приходя в себя, и утер испарину со лба. «Слава богу… Сон», — пронеслось у него в голове. Проводник внимательно посмотрел на него. Когда Адриан Климентич предложил сыграть, тот с радостью согласился и сделал первый ход. Вскоре железнодорожник уже молча сворачивал вчетверо свою бумажную шахматную доску, чтобы идти дальше по проходу, толкая перед собой тележку. Поезд шел дальше.